

Сов. культура - 1991 - 25 мая - с. 16

Как поэт становится поэтом! Про Бориса Пастернака можно сказать почти наверняка: поэтом он ощутил себя в Марбурге. Можно даже день предположить, когда это произошло. Об этом дне он написал одно из лучших своих стихотворений.

логическое завершение того, что именно здесь началось.

«Прощай, философия!» — писал Пастернак о том времени, когда бешено мчащийся поезд уносил его из Марбурга. Эти слова из «Охранной грамоты» запечатлены на бронзовой доске с его именем, вделанной в фасад дома № 15 по Гиссельбергерштрассе.

Идея увековечить память о великом поэте принадлежит большой поклоннице его творчества, преподавателю Марбургского университета Барбаре Кархофф. Приехав в 1971 году в Марбург, она поначалу поселилась в довольно невзрачном типовом доме. И тем не менее испытывала волнение и радость всякий раз, когда входила в свою квартиру и глядела в окно: глазам открывался тот самый вид, который Борис Пастернак описал в «Охранной грамоте».

Она долго рылась в архивах, пока наконец не отыскала дом, где снимал комнату Борис Пастернак. Здание и даже балкончик, с которого поэт обзирал окрестности, сохранились. Несколько лет Барбара вела переписку с городскими властями, испала гору бумаги, и вот, наконец, в 1977 году в городе появилась первая в мире памятная доска,

Авторитет ее в научном мире и без того высок. Она — известный славист, создатель оригинальной методики обучения русскому языку, автор множества публикаций по вопросам преподавания русского языка. Неустанный пропагандист творчества наших поэтов и писателей. Словом, Барбара Кархофф из породы людей, одержимых стремлением поддерживать огонь культуры, нести свет и творить добро.

Поблагодарим подвижницу за святой ее труд. Но разве только о ней речь, и разве дело касается только лишь памятного и добросердечного Марбурга? Речь-то о нас с вами, о нашей памяти и о нашем беспамятстве. До последнего времени, пока не открылся дом-музей поэта в Переделкине, в нашей стране не было ни одной мемориальной доски Бориса Пастернака. До сих пор не отмечены дом, где он родился, и дом в Лаврушинском, где он прожил последние десятилетия. Улицы Пастернака в Москве тоже нет. Радоваться, что улица его имени есть в Марбурге, где Борис Леонидович провел три месяца, или горевать, что ее нет в городе, где он прожил жизнь?..

Как бы то ни было, не грех вспомнить старую истину: па-

Я МОГ БЫТЬ СОЧТЕН

ВТОРИЧНО РОДИВШИМСЯ...

Раскаленный летним зноем город. Объяснение с Идой Высоцкой, в которую Борис Пастернак был влюблен. Отказ. Бессонная ночь. И вот...

Я вышел на площадь.
Я мог быть сочтен
Вторично родившимся.
Каждая малость
Жила и,
не ставя меня ни во что,
В прощальном значении
своем подымалась.

Семьдесят девять лет спустя иду по Марбургу той же дорогой, которой шел в тот день Борис Леонидович, и вижу мир его глазами.

Тут жил Мартин Лютер.
Там — братья Grimm.
Когтистые крыши.
Деревья. Надгробья.
И все это помнит
и тянется к ним.
Все — живо.
И все это тоже — подобья.

Марбург с тех пор мало изменился. Вот дом 48 на Барфюссерштрассе, где жил Лютер. Чуть выше — здание, где жили братья-сказочники. Улица ведет к ратуше. Около нее, в здании бывшего доминиканского монастыря, университет, где весной и летом 1912 года Борис Пастернак изучал философию.

Глядя на этот древний город, физически ощущаешь, насколько был ошеломлен впервые очутившийся здесь 22-летний Пастернак.

«...Я стоял, заламывая голову и задыхаясь. Надо мной высился головокружительный откос, на котором тремя ярусами стояли каменные макеты университета, ратуши и восьмисотлетнего замка. С десятого шага я перестал понимать, где я нахожусь...»

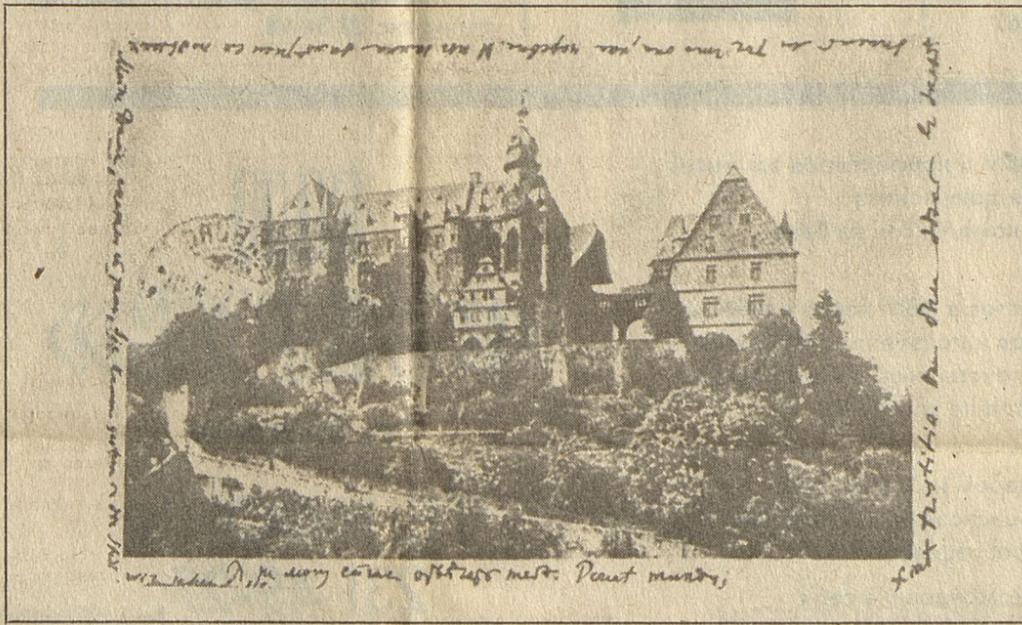
Вдруг я понял, что пятилетнему шарканью Ломоносова по этим мостовым должен был предшествовать день, когда он входил в этот город впервые с письмом к Лейбнице ученику Христиану Вольфу, и никого тут еще не знал... Как и тогда, при Ломоносове, рассыпавшись у ног всем сизым кипением шиферных крыш, город походил на голубиную стаю, замороженную на живом сле-

те к сменной кормушке». Два предшествующих года, по признанию Пастернака, слово Марбург не сходило у него с языка. В то время он стремился определить свое призвание и был мучительно сосредоточен на философии.

«Марбургское направление, — писал он, — покорило меня двумя особенностями. Во-первых, оно было самобытно... Вторая особенность Марбургской школы... заключалась в ее разборчивом и взыскательном отношении к историческому наследию. Школе чужда была отвратительная снисходительность к прошлому, как к некоторой богадельне, где кучка стариков в хламидах и сандалиях или париках и камзолах врет непроглядную отсебятину... На историю в Марбурге смотрели в оба гегельянских глаза, то есть гениально обобщенно, но в то же время и в точных границах здравого правдоподобья».

18 мая в актовом зале Aula состоялось торжественное зачисление в студенты. Каждый из тысячи сидевших в полумраке зала студентов должен был по вызову подойти к ректору и дружески пожать ему руку, как это было установлено в XVI веке. При этом ректор пожелал, чтобы дыхание поэзии, овевающей город святой Елизаветы, студенты унесли с собой как обет молодости.

Вряд ли ректор думал, что слова его сбудутся буквально, и один из тех, кому он в тот день пожал руку, станет великим поэтом. Вряд ли предполагали это и университетские профессора. В их представлении жизненный путь Пастернака вырисовывался достаточно ясно: докторский экзамен в Марбурге, государственный экзамен в Москве, потом — кафедра в каком-нибудь европейском университете. Пастернак считался подающим надежды студентом и даже удостоился чести быть приглашенным на обед к профессору Когену, что ценилось гораздо выше отличных экзаменационных оценок. Это было своего

рода благословение на тернистом пути ученого.

Но судьбе угодно было распорядиться иначе.

«...В тот день всю тебя,
Как трагик в провинции
драму Шенспиру
Носил я с собою
и знал назубок,
Шатался по городу
и репетировал».

Словно при вспышке молнии, все вдруг озарилось перед ним. Он понял, что ему никогда не быть ученым-философом: деятельность университетских ученых «не спрягается в страдательном залоге». А жизнь художника, напротив, — вся в «страдательном залоге». В Марбург приехал восторженный поклонник неокантианства. Из Марбурга уехал Поэт. Спустя полгода состоялся его первый печатный дебют в альманахе «Лирика».

Древний университетский город не стал пенять бывшему студенту за то, что он пренебрег благосклонностью университетских профессоров, прочивших ему научное поприще. Марбург увидел в его судьбе

связанная с именем великого поэта.

Через несколько лет благодаря хлопотам Барбары Кархофф открыли памятную доску М. В. Ломоносова на здании университета, с предложенной ею же надписью: «Везде исследуйте вечно, что есть великое и прекрасно, чего еще не видел свет».

Двигало Барбарой Кархофф отнюдь не желание славы.

мать нужна тем, кто идет вперед. Стоящим на месте она не нужна.

И. МЕДОВОЙ.

● Открытка, посланная Б. Пастернаком из Марбурга в 1912 году.

● Мемориальная доска на доме № 15 по Гиссельбергерштрассе.

● Барбара Кархофф.

Фото автора.